

*Чингиз
Абдуллаев*

Исповедь Сатурна

Авторская серия

Чингиз Акифович Абдуллаев

Исповедь Сатурна

Серия «Левша», книга 3

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176311

Исповедь Сатурна: Астрель: АСТ; М.; 2008
ISBN 978-5-17-053465-4, 978-5-271-20944-4, 978-5-17-055755-4,
978-5-271-21949-8

Аннотация

Американская «Крисчен сайенс монитор» назвала его одним из лучших авторов современности в жанре политического детектива.

Когда-то он был лучшим киллером России. А теперь времена изменились. И никому не придет в голову что под маской респектабельного американца скрывается суперпрофессионал убийства, решивший «уйти на покой» и забыть о прошлом. Но порой ЗАБЫВАТЬ ОЧЕНЬ ТРУДНО. Порой прошлое ВОЗВРАЩАЕТСЯ. И тогда киллер получает НОВЫЙ «ЗАКАЗ» и снова вступает в игру. Вступает в игру еще не понимая, что в игре этой он не только охотник, но и жертва. Еще не понимая, что кто-то идет за ним по пятам, чтобы убрать его после выполнения задания. Кто-то близкий. Очень близкий. Слишком близкий, чтобы в это можно было поверить...

Содержание

БАРСЕЛОНА.	4
БОСТОН. АЭРОПОРТ.	8
МИЛАН.	21
БОСТОН.	31
НЬЮ-ЙОРК.	46
БОСТОН.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Чингиз Абдуллаев

Исповедь Сатурна

*Значит, все-таки случилось то, что можно
было предвидеть, но нельзя было предотвратить.
Франц Кафка. Замок*

БАРСЕЛОНА. ЗА ЧЕТЫРЕ МЕСЯЦА ДО НАЧАЛА СОБЫТИЙ

Взрыв прогремел неожиданно. Собственно, любой взрыв всегда бывает неожиданным. Прохожие в ужасе замерли. Некоторые попадали на землю, раздался громкий женский крик, заплакал ребенок. Взорвавшийся автомобиль повредил несколько машин, припаркованных рядом. Двое сотрудников полиции уже бежали к горящей машине с другого конца улицы. Но главное происходило рядом с автомобилем. Человек лет шестидесяти, собиравшийся несколько мгновений назад сесть в салон автомобиля, отпрянув при взрыве, упал на тротуар. У него было обожжено лицо, повреждена рука. Но он был жив. Очевидно, водитель, поспешивший раньше него сесть в машину и завести мотор, оказался невольным виновником случившейся трагедии.

Взрывное устройство было установлено таким образом, чтобы взрыв произошел через несколько секунд после того, как водитель, вставив ключ зажигания, заведет мотор. Но пассажиру повезло. Он задержался у подъезда и не успел дойти до «Пежо», когда тот взорвался прямо перед ним. Машина еще горела, когда пассажир, поднявшись с тротуара, с трудом попытался подойти к автомобилю, чтобы помочь водителю. Но его остановил офицер полиции:

– Осторожно, сеньор, не подходите! Машина может взорваться еще раз.

– Там человек... – попытался объяснить несчастный, чудом оставшийся в живых пассажир.

– Да, да, – кивнул офицер, не давая ему подойти к машине, – но вы ему уже ничем не поможете. К сожалению, у нас в стране иногда случаются подобные эксцессы, сеньор. Вам лучше отойти подальше. Здесь очень опасно. – Сотрудник полиции понял по акценту говорившего, что перед ним иностранец. – Сейчас приедут врачи и окажут вам помощь, – добавил он.

Но иностранец не уходил. Он продолжал стоять в опасной близости от горящего автомобиля, вокруг которого уже начала собираться толпа зевак. Слышались завывания полицейских сирен, машин «скорой помощи» и пожарников, которые спешили к месту происшествия.

– Это мой водитель, – неожиданно выдавил пассажир, поправляя разорванный галстук. Он был в легком светлом ко-

стюме.

– Что? – повернулся к нему офицер. – Как вы сказали?

– Это был мой водитель, – повторил пассажир, прижимая к груди левую руку. На ладони была видна кровь. Рубашка его была испачкана, рукав пиджака порван, но, видимо, пассажир был так ошеломлен, что не обращал на это внимания.

– Это ваша машина? – понял офицер. – Это ваш водитель?

– Да, – кивнул иностранец. – Они хотели убрать меня. Мافия. Они хотели меня убить, – он взглянул на дом, из которого вышел, но все окна были закрыты. Он невольно вздохнул. Неужели в доме не слышали взрыва? Хотя, возможно, она сейчас в ванной комнате, на другом конце квартиры.

Офицер был опытным сотрудником. Он работал в полиции уже одиннадцать лет и понимал, насколько важен подобный свидетель. Оглянувшись в поисках своих коллег, офицер подозвал одного из них к себе, чтобы перекрыть дорогу к горевшему «Пежо». И снова посмотрел на пассажира.

– Как вас зовут? – терпеливо спросил он. – Где ваши документы?

– Не помню, – признался пассажир, – кажется, они остались в машине. Не помню, куда я их положил.

– Как вас зовут? – повторил офицер более требовательно.

– Я иностранец, – ответил пассажир, почему-то оглянувшись по сторонам, словно в поисках поддержки неизвестных друзей.

– И почему вы полагаете, что террористы хотели убить

именно вас? – уже совсем другим тоном спросил сотрудник полиции.

В этот момент к ним шагнули сразу несколько человек в штатском.

– Подождите, офицер, – негромко сказал один из них. – Этот вопрос относится к компетенции органов национальной безопасности. Разрешите, мы заберем нашего подозреваемого.

– Кто вы такие? – нахмурился офицер. – Что здесь происходит?

– Этот человек – гость нашей страны, – пояснил сотрудник службы безопасности. – Вот мое удостоверение. Вы поверите мне на слово или поедете вместе с нами для проверки?

Взглянув на удостоверение, офицер с изумлением понял, кто именно стоит перед ним.

– Простите, сеньор полковник, – пробормотал он, – я не думал, что все столь серьезно.

– Очень серьезно, – кивнул полковник. – Этот господин, машину которого взорвали, – бывший премьер-министр своей страны. Мы немного опоздали, у него в этом доме была встреча со знакомой, и он поехал один, без обычной охраны. Хорошо еще, что остался жив. Такое чудо бывает раз в жизни.

– Да, – согласился офицер, – раз в жизни.

БОСТОН. АЭРОПОРТ. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Я стою в международном аэропорту города Бостона и наблюдаю за выходящими пассажирами. От нетерпения у меня начинают дергаться руки. Я с удивлением смотрю на них и вижу, что они дергаются одинаково. Можно будет потом рассказывать об этом друзьям как анекдот – ведь левой руки у меня нет уже много лет. Я потерял ее еще в восемьдесят восьмом, когда моя рота попала под перекрестный огонь. Именно тогда мне оторвало левую руку у всех на глазах. Врачи чудом спасли мне жизнь. Это было в Афганистане, а через год мы вывели свои войска. Но я в это время был уже демобилизован и выслушивал оскорбления своей жены, которой не нужен был такой муж.

Вообще-то и поженились мы как-то странно, не совсем так, как я себе представлял. Все наши друзья твердили, что мы прекрасная пара, хотя я видел в своей невесте кучу недостатков. И самым большим недостатком была ее истеричность, она била мне по нервам. Но пока у меня были две руки, все было относительно неплохо. А когда я вернулся одноруким инвалидом, все поменялось.

Даже сейчас, спустя почти полтора десятка лет, я вспоминаю об этом с содроганием. Как она измывалась надо мной.

Но, очевидно, она еще больше ненавидела себя. Ее подруга вышла замуж за преуспевающего бизнесмена, который сумел сделать деньги в те годы, когда другие не знали, где добыть хлеб для семьи. Последние годы перед распадом Советского Союза были особенно трудными. Продукты в магазинах почти исчезли, началась дикая инфляция. Какой-то идиот придумал, что можно разрешить обналичивать безналичные деньги. Вот тогда все и началось. Да и общий бардак сыграл свою роль.

Но мне от этого было не легче. Моя бывшая супруга оскорбляла меня прямо при сыне, вымещая свою ненависть и неудачное замужество на нас обоих. Разве она могла тогда подумать, что через несколько лет я стану миллионером и буду жить в Америке, высылая ей деньги на содержание и воспитание сына. Она мне ни разу не написала, а я и не ждал от нее вестей. Иногда мои знакомые навещали мою бывшую семью и рассказывали мне об успехах Кости, моего сына.

Она дважды близко сходилась с какими-то мужчинами. Но первый оказался рохлей и довольно быстро сбежал от нее, а второй попробовал жить альфонсом – на мои деньги. Однако ему очень быстро объяснили, что не стоит оставаться в этой семье, и он предпочел исчезнуть. Моя жена, правда, так и не узнала, почему и куда сбежал второй мужчина, с которым она прожила несколько месяцев.

Константин рос здоровым, крепким парнем. Мне иногда даже присылали его фотографии. Когда я переехал в Амери-

ку, ему было шестнадцать, и он заканчивал школу. Сейчас ему уже двадцать два года, он работает. Успел прослужить два года в армии, причем в пограничных войсках. Его отправили служить в Таджикистан, и я очень волновался при одной мысли, что против моего сына будут действовать те самые душманы, из-за которых я однажды остался без руки. Но все обошлось. Костя вернулся домой без единой царапины и уже полтора года работает в каком-то охранном ведомстве. Честно говоря, я давно решил вытащить его в Америку. Я послал ему приглашение еще до того, как он пошел служить в армию, но он тогда не успел им воспользоваться. Да его бы и не отпустили, он обязан был отслужить в армии. Я тогда даже подумал, что так будет лучше – ведь в то время я не мог послать ему приглашение от своего имени. Нужно прожить пять лет в Соединенных Штатах с «грин-картой», чтобы получить право ходатайствовать об американском гражданстве.

Я получил американское гражданство в прошлом году. Вот тощая и послал Косте приглашение от своего имени. Мне пришлось сделать это дважды, пока он, наконец, согласился приехать. Я не хотел звонить его матери, своей прежней жене, мне пришлось позвонить Косте на его мобильный телефон, чтобы уговорить приехать. Сначала он колебался. Это было два месяца назад. А всего лишь месяц назад произошли события, которые в корне изменили обстановку, и теперь я, честно говоря, даже не знаю, рад я или не рад при-

езду сына. Тыфу, пошел ты к черту! Конечно рад! Безумно рад, несмотря ни на что. И поэтому я стою в аэропорту и вижу, как мимо меня проходят прилетевшие пассажиры.

Я чувствую, как меня начинает бить крупная дрожь. Последнюю фотографию Кости я получил, когда он служил в армии. Наверное, он изменился, вероятно, возмужал. Интересно, смогу ли я его узнать? Конечно, можно было встать с табличкой, на которой была бы написана его фамилия. Моя бывшая фамилия. Ведь много лет назад я был гражданином Советского Союза, ветераном афганской войны, инвалидом, офицером в отставке. С тех пор многое изменилось. Давно нет Советского Союза, нет его армии, победившей во Второй мировой войне и так бездарно разваленной в дни мира. Давно нет человека, которым я когда-то был. Я даже могу вспомнить, что раньше у меня была та же фамилия, что и у Кости, – Воронин. Потом у меня были клички. Потом я был Алексеем Викентьевичем Махрушкиным. Ненавидел я эту фамилию, под которой мне пришлось убивать. Зато теперь я – Алекс Келлер, американский гражданин. Я взял фамилию Нади Келлер, моей любимой женщины, которая погибла более шести лет назад, как раз перед моим переездом в Америку.

Нам тогда пришлось тяжело, нас едва не убили. Нам – это мне, Наде и ее дочери Саше, которая сейчас стоит рядом со мной. Саше уже тринадцать лет, и она успела вытянуться. Она волнуется не меньше моего – ведь ей предстоит впер-

вые встретиться со своим «братом». Хотя Саша мне не родная дочь, я всего лишь удочерил девочку после гибели Нади. Должен сказать, что настоящий отец Александры ни разу за все эти годы не дал о себе знать, чему я был несказанно рад. Пусть так будет и дальше. Сашу я люблю, как родную, мы за эти годы очень подружились, и я надеюсь повести ее к алтарю, когда она выберет себе любимого мужчину. Я заслужил это право как хороший, заботливый отец. Все, что у меня есть, я делал во имя своих детей. Во имя Саши, которая жила рядом со мной. И во имя Кости, который был далеко от меня. За все эти годы, увы, я так и не встретил достойной женщины.

Это совсем не значит, что у меня не было женщин. Были. Среди них были и неплохие, хотя американки в большинстве своем – это эмансипированные танки с броней из законов о равноправии. Но иногда попадаются нормальные женщины. И тем не менее я до сих пор не женился. Может, потому, что не хотел огорчать Сашу. А может, потому, что мне было уже комфортно жить с ней вдвоем, и я не хотел приводить кого-либо в наш дом. Хотя, наверное, по большому счету причина была только одна: я не встретил женщину, с которой хотел бы прожить всю оставшуюся жизнь. Если подумать, ведь это так просто. Нужно найти себе такого человека, с которым ты захочешь прожить всю свою жизнь. Не любовь, не уважение, не общие дети, не другие интересы. Только одна самая главная причина. Ты хочешь и можешь жить с этим челове-

ком всю свою жизнь, делить с ним радость и горе, счастье и несчастье. Это то, что я называю Семейей в самом высшем понимании этого слова.

Я по-прежнему волнуюсь. Каким будет наше первое свидание? Прошло столько лет.

Я уехал из страны в середине девяностых. Еще в прошлом веке. Тогда все было непросто, тогда все было по-другому. С точки зрения судьбы, мне, наверное, повезло. Очень повезло. К тому времени меня успели несколько раз подставить и контрразведка знала, что активно действующий киллер Левша – это бывший офицер-десантник. Многие, правда, не догадывались, что у меня было прекрасное алиби – моя отсутствующая левая рука. Даже если милиция успевала перекрыть пути к отходу и задержать случайных свидетелей, то и тогда меня отпускали, не проверив. Однорукий инвалид меньше всего подходил на роль киллера. Потом некоторые, самые умные, начали догадываться. В первый раз это произошло, когда мне поручили убрать одного из лидеров оппозиции. Я его аккуратно застрелил, но тогда на меня охоту объявили спецслужбы. Это только в кино и в книгах спецслужбы не могут вычислить нужного человека. Говорят, и в Чечне такое случалось. Вот я вам и открою один удивительный секрет. Если долго не могут вычислить нужного человека, значит, просто не хотят. Значит, им просто хорошо платят за широко закрытые глаза. Любого активно действующего профессионала можно вычислить. Всегда и везде.

В общем, тогда меня вычислили довольно быстро. И сразу нашли мое уязвимое место, похитив сына. Они понимали, что я сам начну их искать. Я так и сделал. Чтобы спасти сына, я позвонил им и предложил себя в обмен на Костю. Конечно, они согласились. Потом я устроил небольшой трюк. Опрокинул машину в реку, куда предварительно спрятал акваланг. Конечно, все погибли, и они посчитали, что однорукый утонул. А я уехал в Сибирь и спрятался в небольшом городке со смешным названием Ленки.

Потом я вернулся. Меня вычислили во второй раз и попросили найти в Европе одного бизнесмена, сбежавшего от гнева своего среднеазиатского президента. И конечно, за мной пустили своих гончих. В общем, кончилось это не очень хорошо. Много людей погибло. В том числе и начальник охраны этого странного президента. Погибла и Надя, которая помогла мне в поисках. Потом я нашел нужного мне человека. За то, что я оставил его в живых, он согласился поделиться со мной награбленными деньгами. Я попросил только десять миллионов и получил эти деньги вместе с чистыми бланками нужных документов. И больше я никогда не видел этого типа. Кажется, его фамилия была Касумов или Касимов, сейчас уже не помню и вспоминать не хочу.

Шесть лет назад я переехал в Америку вместе с дочерью. Левша исчез. Вместо них появились Алекс Келлер и его дочь Александра Келлер. Появился состоятельный бизнесмен, который разместил деньги в банке и жил на ренту и на про-

центы с акций, которые я тогда купил. Сначала оказалось, что я плохой бизнесмен: за несколько лет я потратил большую часть суммы, купив дом, загородный охотничий домик, несколько автомобилей, катер, небольшой частный самолет. Потом я понял, что мои деньги кончаются и мне нужно подумать о будущем Саши. Тогда я решил вкладывать деньги в акции. К тому времени у меня оставалось не более трех миллионов. И за несколько последних лет я не только не потратил оставшиеся деньги, но сумел накопить около полутора миллионов сверху. Хотя, по большому счету, это не моя заслуга. В девяностые годы, во время правления Билла Клинтона, экономика Америки росла как на дрожжах. Деньги делали деньги. Число миллионеров в Соединенных Штатах росло ежедневно.

Ну и, конечно, большую роль сыграл мой сосед, мистер Уильям Кервуд, известный бизнесмен и конгрессмен нашего штата. Он весьма дельно советовал мне, куда вкладывать деньги, и вообще оказался неплохим парнем. Вообще-то американцы никогда не дают подобных советов, но он предлагал мне вкладывать деньги в компании, где у него был контрольный пакет акций, то есть получалось, что я как бы одалживал ему деньги. Однако он был настоящим профессионалом, и мне капали приличные проценты.

Как же я волнуюсь! Дрожит даже моя левая силиконовая рука. Теперь у меня не просто протез. На нем даже сгибаются пальцы, это настоящее чудо техники. Мне сделали его три

года назад в Монреале, и я очень доволен своей левой рукой. Мне даже говорили, что скоро можно будет вырастить мою руку из клеток моего собственного организма. Надеюсь дожить до этого времени. Иногда во время дождя моя силиконовая рука даже чешется, хотя я понимаю, что это невозможно. А иногда начинает болеть кисть. Та самая кисть, которую выбросили или закопали где-то в Афганистане, когда везли меня в полевой госпиталь. Жаль, конечно, что тогда не было условий, позволивших бы спасти мою руку, пришив ее вместо этого силикона.

Когда Костя наконец сообщил мне, что приезжает, я просто не поверил своему счастью. Ведь по-настоящему я для него – чужой человек. Конечно, я его отец. Но разве я настоящий отец? Я ведь только деньги посылал. И меня не было с ним, когда он кончал школу и уходил в армию. Я должен был отвечать на его вопросы – вопросы, которые рано или поздно каждый взрослый сын задает своему отцу. Но тогда меня не было рядом с ним. И поэтому я так волнуюсь. Говорят, что пока жив отец, ребенок чувствует себя защищенным. В любом возрасте. Наверное, Костя не всегда чувствовал себя защищенным. И в этом виноваты не только мы с матерью, но и обстоятельства, которые сложились так неудачно. Никакой другой работы я найти не мог. Я умел только стрелять и убивать. Меня научили только этому ремеслу. И по-другому зарабатывать деньги я не мог.

Это теперь я американский гражданин и уважаемый нало-

гоплательщик. Если бы мои соседи узнали, чем я раньше занимался, они бы тут же вызвали полицию. И я получил бы в этой стране пожизненное заключение. Это в лучшем случае. А в худшем моих соседей пригласили бы посмотреть, как меня убивают в газовой камере. Или на электрическом стуле. За все мои художества в других странах. Кстати, в Америке я тоже успел отличиться. Правда, очень давно и под другой фамилией. Но при желании все можно доказать. Именно поэтому я никогда не езжу в Филадельфию, где меня могут узнать. Хотя с тех пор прошло столько лет. Мы приехали с дочерью в Бостон вчера вечером и остановились в «Шератоне», в ожидании самолета с Костей. Наконец-то я увижу своего сына. Сбывается моя самая заветная мечта. Вытащить из России Костю, чтобы вместе с ним отправиться на речку, посидеть с удочкой. Хотя он, возможно, не любит сидеть с удочкой. Откуда ему знать об этом удовольствии, если я ушел из дома много лет назад, когда он был совсем маленьким. Еще в другую эпоху. Нет, даже в предыдущую. Для России это уже третья или четвертая эпоха на моем счету.

Сначала много лет были маразматики-старики, при которых страна очень неплохо существовала и мы стабильно развивались. Не скрою, мне не все нравилось, но первая эпоха сейчас кажется настоящим раем. Правда, именно эти маразматики втянули нас в афганскую войну, сделали кучу глупостей и вообще вели себя не лучшим образом. Но все-таки у них были какие-то принципы, а мне всегда нравятся люди

с принципами. Зато потом к власти пришли абсолютно беспринципные проходимцы.

Скажите мне, какие принципы были у Горбачева, Шеварднадзе, Яковлева? У всей этой шушеры, которые за несколько приятных фраз иностранных дипломатов, за побрякушки их наград, за одобрение их продажных журналистов профукали собственную страну, сдали все, что можно было сдать. Даже если бы Советский Союз разбомбили к чертовой матери и он проиграл бы в третьей мировой войне, то и тогда последствия поражения не были бы столь оглушительными. Страна развалилась даже не на пятнадцать республик, а на части. Весь Восточный блок был сдан победителям. В НАТО вошла не только объединенная Германия, но и страны восточного блока, Прибалтика. Все крупные страны были разгромлены и поделены. Югославия, Чехословакия, ГДР исчезли с мировой карты. В общем, лучше не вспоминать, что эти деятели сделали со своей собственной страной. Это была уже вторая эпоха. У них, конечно, не было никаких принципов, но они хотя бы не имели личных корыстных интересов.

Потом началась эпоха «царя Бориса». Вот тогда и пришли откровенные подонки. Они думали только о своем кармане, только о собственном благополучии. Страну резали на части и продавали, продавали, продавали. Столько киллеров, сколько было в Москве, в начале девяностых, не было во всем остальном мире. И столько миллионеров, которым бы-

ло абсолютно наплевать на собственную страну, тоже нигде не было.

Ну а потом наступил четвертый период. Как обычно бывает. Сначала маразматики, которые доводят страну до ручки. Потом болтуны и демагоги. Потом мерзавцы и воры. А уже затем приходят другие, которые начинают наводить порядок. Когда падать некуда и дно под ногами, нужно выбираться. И тогда приходят люди, которые начинают поднимать страну с этого дна.

Вышел высокий парень. Я смотрю на него и понимаю, что это не Костя. У него лицо азиата, широкие скулы, узкие глаза. Наверное, калмык или башкир. Не знаю точно. Но я уже перевожу взгляд на следующего. Полненький коротышка, которому жарко. У него в руках носовой платок, и он куда-то спешит. Две девицы в джинсах. Худощавый мужчина в очках. Почему в пасмурную погоду он носит темные очки? Наверное, у него больные глаза. Вот еще один. Высокий молодой человек... Я замираю, у меня уже не дрожат руки. Незнакомец идет по коридору, улыбаясь. Даже если бы я увидел его на улице, то и тогда бы остановился. Этот парень похож на меня!словно передо мной появилось мое собственное отражение, только двадцатилетней давности. Я смотрю и не верю своим глазам. Костя даже немного выше меня, широкоплечный, красивый, молодой. И улыбается мне, показывая крепкие зубы. Какой у меня сын! Я и не думал, что когда-нибудь его обниму. Сердце захлестывает радость. На Ко-

сте куртка, темные брюки и темно-синяя рубашка. Он тоже меня увидел и поэтому направляется прямо ко мне.

Саша тоже замерла. Увидев Костю, она оценила, как он на меня похож. Константин с сумкой в руках направляется прямо ко мне. Я чувствую, как у меня перехватывает дыхание. Никогда в жизни я так не волновался. Никогда...

Остается десять шагов, шесть, пять, три... Костя подходит ко мне, опускает сумку на пол и, улыбаясь, протягивает руку:

– Ну, здравствуй, отец.

И тогда я наконец обнимаю его.

МИЛАН. ЗА ТРИ МЕСЯЦА ДО ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ

Милан – один из немногих городов Италии, который можно считать настоящим европейским городом или северной столицей Апеннинского полуострова. Миланцы гораздо ближе к жителям Парижа, Лондона или Берлина, чем к своим южным соотечественникам из Неаполя или Сицилии. Это не просто столица мировой моды. В Милане сосредоточены центральные офисы всех самых успешных итальянских компаний и банков. Именно отсюда начинал свое триумфальное восхождение к власти премьер Берлускони. Именно здесь закладывались основы его финансовой империи. Однако Милан, каким бы европейским и красивым он ни был, это все равно Италия, и здесь часто царят такие же нравы, что и в Сицилии, лишь несколько видоизмененные благодаря северному более холодному климату и европейской респектабельности, царящей в аристократических салонах города.

В Милане много фешенебельных отелей, но один из самых известных и роскошных – «Эксельсиор», расположенный в центре города и насчитывающий двести тридцать семь номеров, среди которых есть и великолепные «королевские апартаменты». Именно в этих апартаментах поселился при-

летевший вчера из Нью-Йорка Энрико Салерно, представитель одного из самых могущественных кланов мафии – клана Салерно. И хотя у него много родственников в Италии, в частности в Милане, он поселился в отеле. Его положение обязывает снимать именно такие апартаменты.

Он не стал афишировать свой приезд и только ночью отправился в загородный клуб, чтобы поужинать и послушать местных певцов. Сегодня днем он назначил встречу представителю другого клана, набирающего силу в последние годы в Америке. Если в Нью-Йорке весь город был поделен между пятью самыми известными итальянскими кланами, то в других местах местным кланам иногда удавалось набирать дополнительные очки в борьбе за свой бизнес и власть. Среди подобных семей выделялся клан Анчелли. Именно семья Анчелли с его руководителем – хитрым и беспринципным Джулио Анчелли – представляла собой основную угрозу для клана Салерно, контролирующего все порты восточного побережья. Семья Анчелли уже ощутимо теснила клан Салерно и, очевидно, готовилась занять их место в большой пятерке, куда входили кланы Бонано, Коломбо, Салерно, Дженовезе, Люччезе.

Формально Энрико Салерно не имел права вести переговоры как руководитель другого клана. Ведь главой клана Салерно был его дядя. Однако тот уже достиг преклонного возраста, и ни для кого не было секретом, что всеми делами в семье заправляет сорокачетырехлетний Энрико. Кроме того,

на встречу с Энрико должен был прилететь не Джулио Анчелли, известный тем, что вообще редко покидал свой дом в южном Манхэттене, а его доверенное лицо – Чезаре Кантелли, «советник» семьи Анчелли, которому Джулио безусловно доверял. Встреча не могла состояться в Америке, чтобы не привлекать внимание ФБР и полиции. Каждый шаг Энрико Салерно в Нью-Йорке контролировался агентами ФБР, которые справедливо подозревали его в неблаговидной деятельности, и ему приходилось часами уходить от наблюдения.

Кантелли приехал один, без охраны. Он был больше похож на преуспевающего хозяина бакалейной лавки, чем на советника главы клана мафии. Невысокого роста, лысый, с бегающими черными глазами, похожими на две круглые пуговицы, с вечно розовыми щечками, этот господин не производил впечатление серьезного человека. Салерно был выше своего гостя на целую голову. Он знал, как важен сегодняшний разговор, и поэтому пригласил Кантелли в зал для приемов, где они могли бы поговорить наедине.

Салерно подчеркнуто не стал ничего предлагать своему гостю. Они были в несколько разных «весовых категориях», и Салерно сразу хотел подчеркнуть это обстоятельство. Он был некоронованным главой могущественного клана, а Чезаре Кантелли представлял лишь выскочку Анчелли и к тому же был всего лишь «советником» семьи.

– Я доволен, что мы, наконец, смогли встретиться, – хо-

лодно начал Салерно, – надеюсь, сеньор Анчелли чувствует себя хорошо?

– Спасибо, – вежливо поклонился Кантелли, – но, как вам известно, он не переносит самолеты, из-за чего уже много лет не может приехать на Сицилию, чтобы поклониться могилам своих родных.

– Очень жаль, – равнодушно бросил Салерно, – если он захочет приехать, пусть даст знать, и мы его встретим на Сицилии...

«А потом похороните рядом с родственниками», – подумал Чезаре, отгоняя, однако, эту мысль.

– Мы всегда готовы оказать услугу сеньору Анчелли, – так же равнодушно продолжал Салерно.

И решив, что с любезностями пора заканчивать, перешел к делу:

– Я думаю, что вам интересно, почему семья Салерно захотела встретиться с представителем вашего клана? – спросил Энрико.

– Наверное, речь идет о взаимной операции, – улыбнулся Чезаре Кантелли, – мы всегда готовы помочь вам в любом вашем деле.

– Помогать не нужно, – резко оборвал его Салерно, – пусть лучше не мешают. Ваши люди в портах стали иногда мешать нашим профсоюзам нормально работать. Недавно я узнал, что даже в Балтиморе ваши люди сорвали доставку груза. А это уже серьезное нарушение наших договоренно-

стей.

– Мы все проверили, – возразил Кантелли, – в прошлый раз ваши люди нарушили перемирие и попытались забрать наш груз.

– Такого просто не может быть, – раздраженно возразил Салерно, – но если вы это утверждаете, то я прикажу все проверить, и виновные будут найдены.

– Спасибо. Мы уже проверили и выяснили, что виноваты ваши люди. Если хотите, мы готовы поделиться с вами нашей информацией, – осторожно предложил Чезаре Кантелли.

– Хочу, – рявкнул Салерно, – и сам проверю все ваши сведения.

Он перевел дыхание, с раздражением подумав, что наглость Анчелли не имеет границ. Они уже готовы доказывать свою правоту, даже переходя дорогу другим кланам.

– Мы проверим, – хрипло повторил он, отчасти соглашаясь со своим собеседником и поэтому нервничая еще больше. – Но иногда вы допускаете серьезные ошибки, – сказал вдруг Салерно, показывая пальцем в сторону собеседника. – Очень серьезные, – добавил он.

– Какие ошибки? – сделал вид, что удивился, Чезаре. Или и в самом деле удивился.

– Месяц назад в Барселоне, – пояснил торжествующий Салерно, – ваши люди пытались взорвать автомобиль человека, находившегося под нашей защитой.

– О ком вы говорите? – развел руками Кантелли. – Я пер-

вый раз слышу об этом покушении.

– Не нужно, – поморщился Салерно, – в семье ничего не делается без вашего ведома. Месяц назад ваши боевики попытались устранить в Барселоне человека, который находится под нашей защитой.

– Вашего человека? – продолжал изумляться Чезаре, понимая, что нужно потянуть время.

– Нет, – жестко прервал его Салерно, – еще не хватает, чтобы вы пробовали убрать наших людей. Но человек, машину которого вы подняли в воздух, находится под нашей защитой и покровительством. Это бывший премьер-министр Украины сеньор Онищенко.

– При чем тут Украина? – Чезаре был хорошим актером, но здесь немного переигрывал.

– Хватит, – махнул рукой Салерно, – здесь не «Ла Скала». Не нужно изображать недоумение, сеньор Кантелли, иначе вы рискуете взять не ту ноту. Нам все известно. Приказ об устранении Онищенко отдал сам Джулио Анчелли. И не может быть, чтобы вы были не в курсе. По счастливой случайности Онищенко остался жив, так как не успел сесть в уже заведенный автомобиль. Но если бы он погиб, мы расценили бы подобный жест как свидетельство крайнего неуважения к нашей семье. Вам прекрасно известно, что сеньор Онищенко работал с нашими людьми и находился под нашим покровительством. Когда он вынужден был уйти в отставку, мы взяли на себя заботу о его личной охране. И теперь, когда он ед-

ва не погиб, мы выглядим не очень солидно, сеньор Кантелли. Мы полагаем, что взрыв автомобиля был организован семьей Анчелли. Мы знаем, что сеньор Онищенко обещал одному из синдикатов, который вы контролируете, крупные закупки сельскохозяйственной продукции. Затем он отказался от этого контракта и вы, конечно, понесли некоторые убытки. Но устранить сеньора Онищенко мы никому не позволим. Даже такому «могущественному клану», как ваш, – с явной издевкой и угрозой в голосе сказал Энрико Салерно.

Чезаре понял эту угрозу, уловил скрытый намек. Он понял также, что игра может зайти слишком далеко. Если Салерно знает, какую именно поставку сорвало правительство Украины в прошлом году, то это значит, что предатель может находиться и среди членов клана Анчелли. Во всяком случае, нужно исходить из того, что Энрико знает гораздо больше, чем говорит.

– Фирмы, связанные с нами, понесли убытки на миллионы долларов, – пояснил он, чуть понизив голос. – Мы полагали, что так будет лучше для всех.

– А наши фирмы заработали миллионы долларов благодаря деятельности сеньора Онищенко, – перебил его Салерно, – и мы полагаем, что вопрос закрыт. Сейчас Онищенко живет в Милане и через несколько дней переедет в Канаду. Мы надеемся, что вы согласитесь с нами и не станете преследовать сеньора Онищенко и его близких. Я хочу еще раз напомнить, что они находятся под нашим покровительством,

и если с ними что-то случится, мы будем рассматривать это как проявление крайнего неуважения к нашему клану. И ко мне лично, – добавил Энрико, нехорошо усмехнувшись.

«Джулио оторвет мне голову, если я пообещаю не трогать этого украинца, – подумал Кантелли. – Мы потеряли столько денег из-за трусости бывшего премьера. Но если я сейчас не дам слова, то не уйду отсюда живым. И вообще не уеду из Милана. А в Нью-Йорке начнется самая настоящая война. И все остальные кланы поддержат семью Салерно. Нас просто сотрут в порошок. Мы еще не готовы к такой войне, совсем не готовы. К тому же нельзя воевать сразу со всеми. Всегда можно найти другое решение вопроса».

– Да, – громко сказал он, отбрасывая сомнения, – вы правы. Мы не знали, что сеньор Онищенко находится под вашим покровительством.

– Теперь знаете, – с нажимом произнес Салерно, – и я надеюсь, что отныне мы с вами гарантируем сеньору Онищенко долгую и счастливую жизнь. Вы согласны со мной?

– Конечно, – неспешно кивнул Чезаре, – мы понимаем вашу озабоченность и не собираемся проявлять неуважение к такой известной семье, как ваша. Тем более что теперь мы предупреждены и знаем, что он находится под вашим покровительством.

– Да, – немного успокоился Салерно, – теперь вы предупреждены. Он очень помог нам в прошлом году, и, кроме того, за ним охотятся швейцарские прокуроры – они обви-

няют его в отмывании грязных денег. Хорошо еще, что мы сумели договориться с нашими прокурорами, и они оставили в покое нашего друга.

– Ну, если вам удалось убедить американских прокуроров, то, думаю, сеньора Анчелли мы тоже уговорим, – решил пошутить Чезаре.

Но его собеседник не понимал и не принимал подобных шуток, тем более от человека, которого он не считал себе равным.

– Не сомневаюсь, – мрачно закончил он разговор, и Кантелли понял, что нужно уходить.

Он поднялся, в который раз подумав, что ему трудно будет объяснить Джулио Анчелли необходимость соблюдать видимый нейтралитет. Ведь Салерно не поверит никому, если Онищенко вдруг уберут. Хотя если появится конкретный убийца из русских, то, возможно, им удастся отвести от себя подозрение. Нужно будет продумать эту мысль до конца.

– До свидания, – чуть склонил голову Чезаре, даже не думая протягивать Салерно руку.

– До свидания, – снисходительно кивнул Энрико Салерно. – Надеюсь, что мы больше не вернемся к этому разговору, – добавил он напоследок.

Чезаре вышел из отеля в крайне подавленном состоянии духа. Но какая-то мысль, уже возникшая в сознании, начала оформляться, чтобы превратиться затем в конкретную идею, которую он сможет предложить своему патрону. Если все

продумать до конца, то может получиться. И тогда они утрут нос этому наглецу Энрико Салерно и не дадут ему повода начать войну между семьями.

БОСТОН. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Мы едем в нашем автомобиле, и я смотрю на Константина, сидящего рядом. Он уже не мальчик, настоящий мужчина. Высокий, красивый, широкоплечий. Даже взгляд у него мой – немного насмешливый, немного дерзкий. Как когда-то мне говорил мне наш начальник штаба полка: «Взгляд у тебя такой, Воронин, словно ты постоянно насмехаешься надо мной». А я не насмеялся, просто мне было радостно жить. Как сейчас моему сыну. Хотя с тех пор у меня взгляд поменялся. Теперь я смотрю, чуть прищулив глаза, недоверчиво, словно проверяя человека на прочность. Теперь у меня, побитого жизнью и неудачами, появился совсем другой взгляд. Надеюсь, что у Константина все будет хорошо. И ему не придется перенести в жизни все то, что довелось пережить его отцу.

Саша сидит сзади и, кажется, очень довольна и своим объявившимся старшим братом, и моим счастьем. Она очень хорошая девочка, и я вижу в зеркало заднего обзора, как она восторженно смотрит на нас обоих. Я приехал в Бостон на своем джипе. Он у меня последней модели, с несколько удлиненным кузовом. Кроме этого внедорожника, у меня есть белый «Линкольн Марк VIII», двухместный шикарный

автомобиль со специально встроенной противобуксовочной системой и задним приводом трансмиссии. И еще у меня есть «Крайслер конкорд», фантастический автомобиль темно-синего цвета с передним приводом.

Я выбрал джип «Чероки» не только потому, что он выглядел мощнее других автомобилей. Я боялся проблем, которые у нас могут возникнуть. И кажется, они возникли, едва мы отъехали от аэропорта. Я наблюдал в зеркалах заднего обзора не только счастливую Сашу, но и прицепившийся за нами светлый автомобиль. Кажется, «Линкольн континенталь», я его узнаю по вытянутым узким передним фарами. Автомобиль прицепился к нам сразу, как только мы выехали из аэропорта.

Интересно, где они были, пока я был в аэропорту. Наверное, где-нибудь спрятались и следили. Может, даже думали, что вся эта история про моего сына – лишь повод для меня сбежать вместе с Сашей из Америки. Хотя куда мне бежать и зачем? Я ведь американский гражданин, и здесь теперь моя родина. Сказал «родина» и почувствовал насмешку в своих словах. Америка была родиной только для индейцев, которых давно истребили. Для всех остальных она лишь место спасения, куда можно сбежать, где можно быть свободным и где тебя должен защищать американский закон. Эта страна проживания, но никак не родина. Особенно, учитывая тягу к перемене мест американцев и их картонные дома, которые первое время вызывали у меня непонятный смех. Я-то свой

дом поставил из камня, хотя пришлось заплатить в несколько раз больше. Зато, как у умного поросенка из детской сказки, у меня теперь совсем неплохой дом с надежными крепкими стенами.

Они увязались за мной от аэропорта. Когда я приехал в Бостон, меня «конвоировала» другая пара и другой автомобиль. Наверное, они были вместе в аэропорту. Первая пара поехала отдыхать, вторая увязалась за мной. Все правильно. Как и должно быть. Если бы их не было, я бы чувствовал себя гораздо неувереннее. И теперь я должен следить за дорогой и за этим автомобилем, иногда наблюдать за Сашей и разговаривать с Костей. Саша у меня умная девочка, она знает, что скоро мы с ней расстанемся, но все равно счастлива, глядя на нашу встречу. У меня такая дочь, что мне можно только позавидовать. Она все понимает с полуслова, старается меня не огорчать. За несколько лет, прожитых вместе, я ни разу не повысил на нее голоса. Просто не было повода. А теперь у меня есть еще и сын, которого я увидел после стольких лет разлуки. Что еще нужно человеку для счастья?

– Интересно здесь у вас, – кивает Костя, глядя на дорогу. – Ты, наверное, уже хорошо говоришь по-английски?

– Конечно, хорошо, – улыбаюсь я ему. – А Саша по-русски говорит с акцентом. Кроме меня, в нашем городке нет никого, кто бы понимал русский язык.

– Ну это ясно, – усмехается Костя. – А ты как устроился? Ты говорил, что у тебя все в порядке. Судя по тачке, ты здесь

не бедствуешь.

– Нет, конечно, – если бы не этот «Линкольн», все было бы прекрасно. Если бы не эта машина и не проклятый мистер Барлоу, о котором Костя не обязан знать.

– Дело в том, что я получил небольшое наследство, когда переехал сюда, – пытаюсь я объяснить сыну источник своего благосостояния.

– Это здорово, – соглашается он, – всегда приятно получить наследство. А мне говорили, что у тебя нет родных в Америке, кроме дочери.

– Кто говорил?

– Мать, конечно. Она часто тебя вспоминала.

– Представляю, что она обо мне говорила, – проворчал я, взглянув на Костю. – Она по-прежнему меня ненавидит. И ей противно все, что связано и с моим именем, и с моими родственниками. Могла бы проверить и узнать, что одна из моих родственниц переехала в Америку.

– Ну, это ты напрасно, – возразил Костя, – она о тебе ничего плохого не говорила. Хотя иногда жаловалась, что ты нас бросил.

– Наверное, зря, – вздыхаю я, глядя на моего взрослого сына.

Я мог бы быть и более терпеливым. Но эта стерва создала мне тогда такую «райскую» жизнь, что я не мог терпеть. А может, потому, что сам отличался несдержанностью. Ну как я мог быть сдержанным, если был к тому времени одноруким

инвалидом? Как я мог терпеливо сносить все ее оскорбления и истерические выходки? Каким образом? Сейчас, конечно, я ее лучше понимаю. Ей было обидно. Девочки с их курса вышли замуж гораздо удачнее. Некоторые офицеры сумели отсидеться в тыловых гарнизонах и дослужиться до генералов. В конце восьмидесятых многие ушли в бизнес. Некоторым повезло, и они стали состоятельными людьми. Один открыл свой ресторан, другой – магазин. В общем, наверное, она хотела того, чего хотят все женщины. Обычной стабильности. А какую стабильность мог дать одорукий муж? Вот поэтому она и срывалась. А я на это бурно реагировал. Мне ее упреки казались особенно незаслуженными. И поэтому я ненавидел даже не ее, а себя еще больше, чем ее.

– У нас глупо получилось, – соглашаюсь я с Костей, – так не должно было быть. Но сделанного не исправишь. Может быть, мы оба были виноваты в том, что произошло.

Саша не совсем понимает, о чем мы говорим. Все-таки русский язык для нее не совсем родной. Она уже шесть лет живет в Америке и говорит со всеми остальными только по-английски. Поразительно, как быстро дети забывают даже родной язык. Видимо, самое важное для человека – это его среда обитания. Человек, попавший в колонию, быстро постигает воровской жаргон, попавший на море овладевает морской терминологией. В общем, человек – существо приспособляющееся. И к хорошему, и к плохому.

– Что еще она про меня рассказывала? – спрашиваю я у

сына.

Если бы «Линкольн» повернул в сторону, я бы решил, что они со мной играют, но он упрямо движется следом. Наверное, собираются доехать с нами до нашего городка. Пусть едут. Они даже не подозревают, что я включил их в свой план как необходимый компонент, без которого мой план не может состояться. Мы выехали из аэропорта полчаса назад и движемся в сторону Портсмута – небольшого портового городка на побережье Нью-Гэмпшира. Если «Линкольн» доедет с нами до Портсмута, это значит, что они собираются преследовать нас до самого дома. Хотя мы, кажется, договорились, что за мной не будет «хвостов». Может, им интересно узнать, кто именно ко мне приехал? Хотя нет, они знают, зачем я поехал в аэропорт. Я не скрывал, что поеду встречать сына. Хотя никому особенно не говорил. Но они могут легко проверить, кто именно ко мне прилетел. А может, они не проверили и теперь боятся, что я получил этакое подкрепление в лице молодого незнакомца? Я украдкой смотрю на Костю.

Не исключено, что они не верят, что это мой сын. Ведь я неожиданно получил подкрепление в лице молодого и здорового человека. Нет, конечно. Это всего лишь мои фантазии. Барлоу обо всем знал заранее. Он считает, что получил лишний козырь против меня, не понимая, что я лишь немного изменил свой план. И мой сын, которого они теперь тоже считают заложником, как и мою дочь, не должен достаться

им ни при каких обстоятельствах.

– Мать говорила, что ты всегда был безрассудным и смелым. И сам в Афган напросился, хотя мог поехать учиться в академию, – рассказывает Костя. – Я всегда удивлялся, что ты сам на войну попросился. А когда сам попал служить на границе в Таджикистане, столько всякого повидал, что тебя лучше стал понимать. Однажды мы в засаду попали и два дня отстреливались. Думали, нам крышка. Еле вырвались. Из восьмерых только двое ушли без ранений. Я и мой кореш. Четверо в горах остались, еще двоих наши ребята вывезли на вертолетах.

– Трудно было? – задаю я дурацкий вопрос.

– А ты как думаешь? Конечно, трудно. Только тогда я понял, почему ты пошел добровольцем. Ты ведь офицером был, вам все равно нужно было пройти через войну? Верно?

– Не все так просто, как ты думаешь, – пытаюсь я ему объяснить.

Но как объяснить молодому человеку, что тогда была совсем другая обстановка. И совсем другая страна. Я был не только офицером, но и членом партии. И тогда это был наш «интернациональный долг». Так, во всяком случае, об этом писали газеты. Хотя Костю успели принять в октябрята, но пионером он уже не был. С другой стороны, он уже взрослый человек, прошедший войну. Должен все сам понимать.

– У каждого поколения свои идеалы, – кажется, Костя меня понимает. – Мать еще говорила, что ты бросил нас, когда

начал зарабатывать деньги. Она думала, что ты устроился в какой-то банк и стал начальником охраны. Тогда у ветеранов войны большие льготы были, и она все время пыталась тебя найти, чтобы и нам льготы эти получать. Формально вы ведь не разведены были.

«Конечно, не разведены, – подумал я, – нужно было об этом догадаться. У меня ведь была неплохая пенсия инвалида войны. Хотя она не шла ни в какое сравнение с теми деньгами, которые я ей присылал. Но ей, видимо, было мало. Она хотела получать еще и мою пенсию».

– Тогда нельзя было разводиться, – пытаюсь объяснить я ему, – ведь у нас был ребенок, и нужно было разводиться через суд. А я не хотел находиться рядом с твоей матерью даже в суде. Поэтому решил просто уйти.

– А она до сих пор не может из-за тебя замуж выйти, – вдруг сказал он. – Ведь тогда нужно признать тебя умершим или пропавшим без вести.

– Нужно было признать пропавшим, – пожимаю я плечами, – какая разница. Меня уже столько лет нет рядом.

– Ты не хотел нас видеть?

– Очень хотел. – Я немного прибавил скорость, и мои преследователи ее тоже увеличили. Кажется, их двое.

Было бы неплохо взять с собой винтовку и прострелить им шины, чтобы заставить остановиться. Но конечно, я не взял с собой оружия. У меня дома три винтовки и пистолет. В этой стране можно иметь любое оружие в доме, хоть пу-

лемет, лишь бы оно было зарегистрировано на законных основаниях.

Но с собой я, конечно, не вожу оружия. Тем более в Бостон. Мне пришлось бы объяснять полицейским, зачем я взял ружье или пистолет с собой. К тому же в аэропорт меня могли с ним не пустить. И в мой план не входит перестрелка на шоссе.

Костя не знает, в какое положение он поставил меня своим приездом. Как безумно я хотел его видеть, как хотел его обнять. Но когда он наконец позвонил, чтобы сообщить о своем приезде, я почувствовал, что меня толкают в глубокую пропасть. Но ничего ему не сказал. Про себя я даже подумал, что это тоже испытание. Испытание и для него, и для меня. В конце концов, он должен будет узнать обо мне всю правду, и уже сам решить, как ему поступить.

– Мне всегда хотелось тебя увидеть, – немного мрачно говорю я своему сыну. – Больше всего на свете я хотел оказаться рядом с тобой. Но обстоятельства складывались таким образом, что я не мог вернуться в Россию. Не мог. Ты должен меня понять. Ты помнишь, как тебя украли?

– Смутно, – Костя улыбается. – Кажется, меня куда-то увезли, а потом привезли. Ничего особенного не помню.

– И хорошо, что не помнишь, – говорю я ему, наблюдая за «Линкольном». – Тогда меня чуть не убили. Мне пришлось согласиться на обмен. Предложить себя вместо тебя.

– Как тебе удалось спастись? – деловито интересуется Ко-

стя.

– Я убежал от них. – Не нужно рассказывать ему, каким именно образом я спасся. Пусть он не знает, что за его спасение я заплатил жизнями троих преследователей. Пусть он этого никогда не узнает.

– Странно, – говорит Костя, – они ведь могли снова меня забрать. Почему они этого не сделали?

– Они решили, что я погиб, – пытаюсь объяснить я ему, когда в разговор вмешивается Саша.

– Ты мне никогда этого не рассказывал, – говорит она с сильным английским акцентом.

– Это неинтересно. – Я совсем забыл, что подобные темы не для детей. Этот проклятый «Линкольн» выводит меня из состояния равновесия.

Саша обиженно умолкает. Костя чуть насмешливо фыркает и неожиданно спрашивает меня:

– И почему ты теперь Алекс Келлер? Что за фамилия? Откуда она у тебя? Ты стал евреем?

– Это немецкая фамилия моей второй жены. Евреем я не стал, хотя отношусь к ним с большим уважением. Здесь, в Америке, их очень ценят за ум и предприимчивость.

– У нас тоже ценят, – хмыкает Костя, – все банки, газеты и телевидение в руках евреев.

– Хочу тебя сразу предупредить, – я стараюсь не говорить менторским тоном, чтобы мои слова не выглядели назидательными, но некоторые основные правила поведения

в Америке он должен понять, – здесь не принято говорить такие вещи. Не принято кого-либо оскорблять из-за национальной принадлежности. Все, что ты мог себе позволить там, здесь нельзя говорить ни в коем случае. Среди слушающих тебя может оказаться человек, понимающий русский язык. И ни в коем случае не говори слово «негр», это здесь – страшное оскорбление. Нужно говорить «афро-американец» или «темнокожий», если забудешь первое слово. Но слово «негр» забудь навсегда. А моя фамилия – это фамилия Сашиной мамы. Она мне не совсем женой была, – пытаюсь объяснить я ему, – то есть формально мы не были зарегистрированы, так как я официально был женат на твоей матери. Сашина мама должна была приехать со мной в Америку, – я выговариваю это быстро, чтобы не травмировать дочь, сидящую на заднем сиденье, – но тогда она не смогла. Не получилось.

– Что не получилось? – не понимает Костя.

– Ничего не получилось.

Ну как я могу объяснить ему свою жизнь в нескольких словах? Для этого нужны две бутылки водки и целая ночь для разговоров. Впрочем, у нас еще будет такая ночь. Мы сумеем еще объясниться друг с другом как двое мужчин. Сейчас при Саше не нужно вдаваться во всякие подробности.

– У меня была сложная жизнь, Костя, – признаюсь я сыну, – очень сложная. И нелегкая. Поэтому я вынужден был уехать. Уехать, чтобы спасти не только себя, но и вас. Мно-

го лет назад я думал, что поступил правильно. А теперь не знаю. Нам о многом нужно поговорить, многое рассказать друг другу. Ты работаешь в какой-то фирме?

– В банке, – отвечает Костя, – в служебной охране банка. После службы в погранвойсках нас охотно берут в такие места. Хотя я собираюсь учиться, думаю поступать в институт.

– Вот это правильно.

«Линкольн» идет точно на расстоянии пятидесяти метров от нас. Там двое мужчин, очевидно, профессионалы с железными нервами. Кажется, я знаю одного из них. Или я ошибаюсь? Если я увеличиваю скорость, они тоже увеличивают ее, если чуть замедляю, они тоже сбавляют скорость.

– У тебя есть девушка? – интересуюсь я, взглянув на Костю.

Он чуть смущенно улыбается.

– Есть одна. Но пока не уверен. С этим у меня проблем нет, отец. Можешь не беспокоиться. В Москве сейчас с этим нет никаких проблем.

– Ну, с этим никогда не было проблем, – поддерживаю я его, и мы оба понимающе хохочем так громко, что Саша на заднем сиденье присоединяется к нам, не совсем понимая, почему мы все смеемся.

Мы уже пересекли границу штата и теперь находимся в Нью-Гэмпшире. После Портсмута мы повернем на Портленд, а оттуда в Огасту – столицу штата Мэн, в котором я живу последние шесть лет. Только не в самой Огасте, а в

небольшом городке Олд-Тауне, в старом городе, если перевести дословно. Вообще-то здесь часто встречаются и старые индейские названия. Наша река, которая протекает недалеко от моего дома, называется Пенобскот. В ней водится рыба, и очень приятно посидеть на берегу обрыва с удочкой. Но река называется Пенобскот. Разве можно полюбить речку с подобным названием? Здесь всегда что-нибудь раздражающее присутствует, словно плата за комфорт.

Мне не нравится, что «Линкольн» идет за нами так нагло и открыто, словно они уже ничего не боятся. Мне казалось, что они должны быть немного умнее. Или я чего-то не понял. Неужели они думают, что теперь, когда ко мне, наконец, приехал мой сын, я не смогу пойти на разрыв нашего соглашения? Плохо они меня знают. Или, наоборот, слишком хорошо. Они ведь впервые появились больше месяца назад. И потом все время следили. А может, я преувеличиваю свою значимость? Может, кроме моих преследователей за нами следит ФБР или полиция, которым интересно проконтролировать визит молодого человека, так неожиданно прилетевшего ко мне? Фамилии у нас разные, и в ФБР вполне могут решить, что я согласился на предложение мафии, вызвав помощника из России. Или не могут? Почему я думаю, что здесь царство идиотов? Конечно, им всем далеко и до наших бандитов, и до нашей милиции. Но здесь тоже умных людей хватает. Кроме того, Америка – это великая страна учета и компьютеров. Они все могут проверить, сличить,

посмотреть, проконтролировать. После того как появились электронные карточки, компьютерные системы, мобильные телефоны и Интернет, человек уже не имеет возможности жить прежней жизнью. Теперь о каждом вашем шаге становится известно. Каждый ваш разговор заносится в компьютер, каждый платеж фиксируется, каждое продвижение известно. Наверное, для американцев это так и должно быть. И вообще для европейцев, живущих по своим внутренним законам. А вот для всего остального мира?

Многие американцы очень набожные люди, и они соблюдают библейские заповеди не потому, что многие из них зафиксированы в виде законов «Не укради» или «Не убей». Нет, они поступают так именно в силу своего воспитания и глубокой веры в Бога. Я всегда завидовал людям, которые верят в Бога. Им, наверное, легче жить на свете, чем мне. Комсомольско-партийное воспитание сказало, и я, конечно, неверующий. Хотя дочь Сашу приучил молиться, и она ходит вместе с соседями на воскресные проповеди. Пусть ходит. Верующие люди всегда бывают чище и целомудреннее. У них есть свои внутренние законы. А вот у меня таких законов нет. И я могу убить тех двух незнакомцев, которые так упрямо едут за мной по шоссе.

– Ты о чем-то задумался? – спрашивает Костя.

– Да, – отвлекаюсь я от своих мыслей, – мне кажется, что нам нужно где-нибудь остановиться и перекусить. Как ты думаешь?

– В самолете нас неплохо кормили, – сообщает он, – но если ты так считаешь, давай остановимся.

– Обязательно.

Я смотрю на «Линкольн», который упрямо идет следом. Ошибка всех моих преследователей только в одном. Они считают меня инвалидом. Считаю меня одноруким дебилом, который не в состоянии справиться с двумя «амбалами». Придется их огорчить. Я совсем не хочу, чтобы они портили мне свидание с сыном, состоявшееся через столько лет. Нужно показать им, какой я инвалид. Кроме того, у меня есть свой план, который я уже начал претворять в жизнь. Сейчас самое время для реализации его первого этапа. Я им устрою небольшой концерт. Показательное выступление. И сделаю это так, чтобы отучить их портить людям настроение. Кажется, не доезжая до Портсмута, мы можем свернуть на Гринленд, небольшой городок, в котором я дважды бывал. Там мы заодно и пообедаем. И дадим урок нашим преследователям.

НЬЮ-ЙОРК.

ЗА ДВА МЕСЯЦА ДО

ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ

В этом небольшом здании в центре Бруклина должна была состояться встреча представителей двух крупных группировок. С самого утра вокруг дома начали появляться мрачные неразговорчивые мужчины с могучими бицепсами и срезанными лбами. Напротив дома находился ресторан, но благо-разумный хозяин внял совету гостей и повесил табличку «за-нято», чтобы исключить возможность появления незваных клиентов. Трое мужчин, наблюдавших за зданием, располо-жились в ресторане, заказав себе пива. Они молча наблюда-ли за домом, в котором должна была состояться встреча. Хо-зяин понимал, что в таких случаях лучше не задавать лиш-них вопросов, и старался вообще не смотреть в сторону зло-получного здания. Он знал, кто и зачем собирается в этом доме.

В последние годы дом приобрел мрачную известность не только в Бруклине. Сюда приезжали выходцы из России, лю-ди, чьи биографии становились легендой еще в годы застоя, когда по всем республикам огромной страны, занимавшей шестую часть суши, прокатывалась весть о «коронации» оче-редного преступного авторитета. Сюда приезжали и те, кто

успел сколотить огромный капитал в безумные девяностые, когда можно было за один вечер стать миллионером, а на следующий день получить пулю от недовольного компаньона.

В Нью-Йорке преступный бизнес в основном контролировали пять итальянских семей, но кроме них в городе существовали и многочисленные бандитские группировки, объединенные по этническому, расовому или территориальному признакам. Однако постепенно ФБР и американская полиция нанесли ряд ощутимых ударов по итальянским кланам, заставив мафию несколько умерить свои аппетиты. Американское общество не собиралось и далее мириться с всесиливием мафии, тем более в годы столь очевидного экономического подъема. Когда доллар пополз вверх, начав бить все рекорды по отношению к европейским валютам, и индекс деловой активности начал зашкаливать, стало ясно, что страна вступила в десятилетие небывалого экономического роста. Экономика развивалась бешеными темпами, и многим бизнесменам было гораздо выгоднее честно работать, исправно платить налоги и вкладывать деньги в акции технологических компаний, чем заниматься отмыванием грязных долларов. Стало выгодно быть честным человеком.

Итальянская мафия, ставшая бичом общества на протяжении целого века, становилась уважаемой и уважаемой. Даже еврейские, китайские, латиноамериканские, негритянские группировки, традиционно признающие руко-

водство итальянцев, тоже начали вкладывать деньги в акции различных компаний, пытаясь заработать большие проценты, которые можно стало получить на рынке. Но свято место пусто не бывает. Взамен традиционных преступных группировок в огромном Нью-Йорке начали появляться и все более дерзко действовать так называемые «русские группировки». На самом деле в состав подобных бандитских формирований входили не только русские, но и представители многих других национальностей бывшего Советского Союза. Здесь можно было встретить представителей Кавказа, Средней Азии, Молдавии, даже Прибалтики, но для американцев все они были «русскими», которые действовали одинаково невероятными методами, отличались особым цинизмом, жестокостью и наглостью.

Именно поэтому почти во всех полицейских управлениях города были созданы так называемые «русские отделы», в которых работали либо офицеры полиции, выучившие русский язык, либо бывшие соотечественники «русских» из некогда единой страны. Именно «русская мафия» начинала новые войны. Именно в ее среде формировались группы, которые не останавливались ни перед чем, угрожая, насилуя, убивая, устраняя неудобных.

В доме, расположенном напротив ресторана, иногда появлялся сам Коготь – один из наиболее известных авторитетов новой «русской мафии», окопавшейся в самом крупном городе Соединенных Штатов. В Бруклине рассказывали, что

Коготь был «коронован» еще в конце семидесятых совсем молодым человеком. От остальных «воров в законе» его отличала в молодости отчаянная смелость и вызывающая наглость. У него всегда находилась заточка для недовольных. Невозможно было представить себе этого щуплого худощавого парня небольшого роста без острой заточки, которой он мастерски орудовал. Именно поэтому он и получил такую кличку, наводившую ужас на остальных заключенных. Любые обыски, которые устраивали лагерные надзиратели, заканчивались ничем. Заточки у Когтя никогда не находили. Но едва надзиратели покидали камеру или барак, как в руках бандита снова появлялось его грозное оружие. Даже грузинские авторитеты, всегда державшиеся особняком, признавали авторитет Когтя.

Однажды в Северном Казахстане, куда его перевели в восемьдесят третьем, он получил восемь ударов, которые поочередно нанесли ему двое соперников, вооруженных ножами. Казалось, он не выживет. Врачи, которые сначала пытались ему помочь, лишь отрицательно качали головами и отмахивались, давая понять, что жить пациенту осталось несколько часов. Но он выкарабкался. Сумел выбраться с того света. И даже покарать своих обидчиков, которых нашли заколотыми через несколько дней характерными ударами заточкой в сердце. Если учесть, что Коготь лежал в это время под капельницей, то у него было почти абсолютное алиби. А то, что он отдавал своим людям приказы, было невозмож-

но доказать. По лагерю ходили легенды, что капельница была поставлена для отвода глаз, и бандит сам рассчитался по своим долгам.

Он прилетел в Америку еще в девяностом году, когда появилась первая возможность уехать за океан. Коготь был умным человеком и поэтому остался не только жив, но и на свободе, тогда как другие авторитеты, ввязавшиеся в борьбу, начавшуюся в Москве, погибали один за другим. Кого-то забирала американская полиция уже в Нью-Йорке. Коготь оказался в стороне именно потому, что не участвовал в подобных разборках, предпочитая иметь собственный бизнес, который он контролировал через доверенных людей. Хотя некоторые утверждали, что он работал довольно ловко, умело прибирая к рукам имущество и дела погибших авторитетов, подчищая за ними долги и прибыль.

Как бы там ни было, но именно Коготь стал одним из самых крупных авторитетов в Бруклине к началу нового века. И именно с ним вынуждены были считаться остальные авторитеты, намерившиеся обосноваться в Нью-Йорке. Сегодня в Бруклине должна была состояться встреча, которую готовили уже несколько дней. На randevу с местным авторитетом должен был приехать сам сеньор Анчелли, один из главных боссов итальянской мафии, известный во всем мире.

Сеньор Джулио Анчелли редко и неохотно покидал пределы «Маленькой Италии», южного района Манхэттена, где была его настоящая вотчина. Но очевидно, интересы дела

требовали, чтобы на этот раз он встретился с представителем крупнейшей преступной группировки, действовавшей в Бруклине. За два часа до появления сеньора Анчелли здесь появились другие незнакомцы. Они были элегантно одеты и отличались от первой группы охранников, приехавших сюда с самого утра. Итальянцы устраивались в своих роскошных автомобилях, перекрыв улицу. Под сиденьями машин были спрятаны автоматы. Это была личная охрана сеньора Анчелли, которая отвечала за его безопасность в Бруклине. За пятнадцать минут до назначенного времени прибыл кортеж, состоящий из «мерседесов». В салоне одного из них находился Коготь, невысокий, худощавый мужчина с редким ежиком седых волос. В окружении широкоплечих охранников он прошел в здание. Из ресторана было видно, как тревожно смотрят по сторонам его люди.

Ровно через пятнадцать минут появились еще три автомобиля. Это были роскошные «кадиллаки» представительского класса. Все три автомобиля замерли у дома, и из салона второго вылез сам Джулио Анчелли. Он тяжело вздохнул, перед тем как войти в дом, и последовал дальше в окружении своих охранников.

Почти сразу дом оцепили автомобили с телохранителями Анчелли, а бритоголовые охранники, приехавшие с местным авторитетом, перекрыли улицу. На втором этаже дома, в дальнем углу, встретились наконец Анчелли и Коготь. Сначала их представили друг другу, затем стороны перешли к

обсуждению конкретных проблем. Рядом с Анчелли сидел его помощник Чезаре Кантелли, невысокий, лысоватый человек, носивший крупный перстень на указательном пальце правой руки. Он был доверенным лицом клана Анчелли. По традиции, разговор мог проходить только в присутствии одного свидетеля с каждой стороны. Коготь оставил невзрачного темноволосого мужчину, с мутноватыми глазами и помятым лицом. Это был Ерофеев, Семен Ерофеев, по праву считавшийся мозгом преступной группировки Бруклина. Ерофеев злоупотреблял спиртным и наркотиками, но когда приходил в себя и начинал мыслить достаточно здраво, давал неоценимые советы и всегда оказывался очень изобретательным человеком. Очевидно, в его воспаленном мозгу временами рождались какие-то идеи, в том числе под влиянием алкоголя и наркотиков. Кроме того, он прекрасно знал английский язык, поэтому мог переводить своему патрону слова Анчелли. Сам Коготь, находясь более десяти лет в Америке, так и не сумел в совершенстве овладеть английским языком.

Когда охранники покинули комнату и разместились в коридоре, сеньор Анчелли удовлетворенно кивнул и достал сигарету. Показав на сигарету, Анчелли поднял бровь, как бы спрашивая разрешения у хозяина дома. Коготь благожелательно кивнул в знак согласия. Он не курил, но воспринял этот жест как свидетельство уважения. Ерофеев курил, но он никогда бы не осмелился достать сигареты в присутствии

таких гостей. Чезаре не курил и не выносил сигаретного дыма, но здесь имело значение, кто именно курил. А когда это делал сеньор Анчелли, Чезаре научился не реагировать на сигаретный дым своего шефа.

– У нас появилась небольшая проблема, которую мы хотели бы решить с вашей помощью, – сразу начал Анчелли.

– Мы всегда готовы вам помочь, – подчеркнуто любезно сказал Коготь.

Он знал, каковы реальные масштабы могущества итальянцев и как много денег у сидевшего напротив господина. Именно поэтому он демонстрировал крайнюю степень любезности.

– Мы обратились к вам как к нашим друзьям, – пояснил Анчелли. – Мы считаем русских, проживающих в Нью-Йорке, нашими партнерами и друзьями. Мы – европейцы и должны вместе противостоять разным этническим группировкам из Азии и Африки.

Ерофеев, уловив некоторое замешательство на лице босса, перевел для него последнюю фразу. Коготь удовлетворенно кивнул. Как ни странно, это более всего понравилось его собеседнику. Сеньор Анчелли сам приехал в Америку полвека назад и почти не знал английского, что, однако, не помешало ему «выбиться в люди». Поэтому он снисходительно относился к людям, так и не научившимся говорить на чужом для них языке.

– Чем мы можем вам помочь? – спросил Коготь.

Анчелли выпустил струю дыма и взглянул на своего помощника. Самые важные вещи будет говорить Чезаре. Это делалось на тот случай, если их сумеют записать сотрудники ФБР. При любом развитии ситуации репутация сеньора Анчелли должна была остаться незапятнанной.

– Есть один человек, – объяснил Чезаре, – мы уже дважды пытались его убрать, но у нас не получилось. Он ушел от наших людей в Милане. И ему повезло в Барселоне, когда его машина взорвалась до того, как он в нее сел. Сейчас он перебрался в Канаду. Это очень неприятный человек. Неприятный для нас. Вы понимаете?

– И это ваша проблема? – изумился Коготь. – Вы можете не беспокоиться. В таких случаях нет никаких проблем. У нас столько людей...

Анчелли раздраженно махнул сигаретой. Очевидно, этот русский бандит считает его идиотом. Неужели он не понимает, что у итальянцев и людей, и возможностей не меньше. Или он думает, что они пришли к нему просить найти киллера? Анчелли усмехнулся от подобной наглости русского.

– Нет, нет, – сразу сказал Чезаре, – вы нас не так поняли. Нам нужно не просто устранить этого человека. Мы не хотим его просто убрать. Нам нужно, чтобы его убил бывший соотечественник. Дело в том, что мешающий нам человек – русский.

– Никаких проблем, – изобразил на своем пергаментном лице улыбку Коготь. – Дайте нам адрес, и мы сегодня же ре-

шим вашу проблему...

– Подождите, – не выдержал Анчелли, мы не хотим решать проблему подобным образом...

Он замолчал, негодуя на себя за то, что начал говорить. Чезаре тревожно взглянул на шефа. Он понимал, что тот раздражен, а когда Джулио Анчелли начинал злиться, последствия могли быть непредсказуемыми.

– Дело не в этом русском, – начал объяснять Чезаре, пытаясь несколько разрядить ситуацию, – дело в том, что мы не можем его убрать. Вернее, не должны в этом участвовать. И нам необходимо, чтобы этого человека убрали именно его бывшие соотечественники. Но не просто убрали. Нам нужно, чтобы полиция нашла убийцу и все узнали бы, кто именно этот убийца. Нам очень важно, чтобы все знали, кто и почему убрал этого русского.

Наступило молчание. Коготь попытался осмыслить услышанное. Затем сказал, обращаясь к Ерофееву:

– Ты можешь объяснить, чего они хотят?

– Им нужно кого-то обвинить в этом убийстве, – пояснил сообразительный Ерофеев. – Им нужен убийца, которого можно предъявить полиции.

– Это мы найдем, – кивнул Коготь.

Чезаре понял, что Ерофеев объясняет своему патрону ситуацию, и решил сразу обратиться к Семену, чтобы полнее ее обрисовать.

– Дело в том, что этот русский находится под покрови-

тельством известной группировки, с которой мы не хотели бы ссориться. Но эти люди знают, что мы собираемся его убить. И если мы предпримем что-то против него, то у нас могут быть осложнения. Поэтому нам нужен конкретный убийца – такой, в которого поверят не только полицейские, но и наши друзья в Италии.

– Ясно, – кивнул Ерофеев. Он взглянул на Анчелли и обратился к Когтю: – Им нужно нас подставить вместо себя. Чтобы не ругаться с другими макаронниками.

– Дешево ценят, – процедил Коготь и выругался по-русски.

– Что вы сказали? – не понял Чезаре.

– Мы все поняли, – сразу вмешался Ерофеев. – Конечно, мы готовы вам помочь. Но мы хотели бы знать, как именно вы оцениваете нашу услугу.

Анчелли согласно кивнул. Потушив сигарету, он коротко сообщил:

– Ваши люди получают право работать по всему побережью вместе с нашими людьми. Кроме того, мы разрешим вам появляться в портах и обеспечим сотрудничество с нашими людьми.

Коготь не ожидал такого подарка. Он не мог поверить услышанному. Порты были абсолютной вотчиной клана Анчелли. Все профсоюзы в портах находились под полным контролем его гостя. Он хотел даже переспросить, не поверив в такой подарок. Но вместо этого решил уточнить другой мо-

мент. Если они так дорого ценят убийство этого человека, то, значит, испытание предстоит нелегкое. Анчелли не стал бы делать подобные подарки, если бы речь шла об обычном бандите.

– Кто этот человек? – спросил Коготь. Чезаре взглянул на шефа. Анчелли пожал плечами. Он не хотел доверяться этим русским, но другого выхода не было. Чезаре терпеливо ждал. Наконец Анчелли чертыхнулся и кивнул. Чезаре достал из кармана фотографию и протянул ее собеседнику. Коготь взял фотокарточку, внимательно посмотрел на нее, затем перевернул фотографию. На обороте была указана фамилия. Он нахмурился. Где-то он слышал эту фамилию и видел этого человека. Леонид Онищенко. Он протянул карточку Ерофееву.

– Не знаешь, кто это?

– Конечно, – сразу ответил Ерофеев. – Ты его тоже знаешь. Посмотри на фамилию. Помнишь, он ушел в прошлом году со своего поста.

– Кто это? – шепотом спросил Коготь. Он никак не мог вспомнить, о ком идет речь.

– Ты не узнаешь этого киевского хохла? – удивился Ерофеев. – Это их бывший глава правительства. Теперь вспомнил?

Коготь ошеломленно взглянул на Семена, потом на сеньора Анчелли и его помощника. «Эти сволочи пришли и просят, чтобы я убрал бывшего премьер-министра Украины», –

изумленно подумал он. Все газеты писали, что на Онищенко было совершено несколько покушений, но он чудом остался жив. Кажется, газеты писали о его связях в Италии и в Швейцарии. Коготь вдруг подумал, что цена, предложенная Анчелли, не столь уж велика.

– Вы принимаете наше предложение? – поинтересовался Чезаре.

Сеньор Анчелли понял, что наступил самый важный момент в их разговоре, и замер, ожидая решения. Даже Семен повернул голову, с интересом наблюдая, как Коготь размышляет. «Конечно, будет очень трудно, – думал тот. – И конечно, придется поработать. Но если получится, невозможно даже представить, какие дивиденды можно заработать на сотрудничестве с кланом Анчелли. При благоприятном развитии событий я стану союзником самого Джулио Анчелли! На размышление у нас не так много времени».

– Кто еще знает о нашем соглашении? – неожиданно спросил он хриплым голосом по-русски.

Ерофеев быстро перевел.

– Никто, – ответил Анчелли, – только мы четверо. И если кто-то узнает, значит, мы будем искать среди нас предателя.

Он обвел всех мрачным взглядом. Ерофеев вздрогнул, когда Анчелли на него посмотрел. Чезаре съежился и стал казаться еще меньше.

– Да, – ответил Коготь, испугавшийся своего согласия. – Мы сделаем все, о чем вы попросили. И я могу гарантиро-

вать, что никто не узнает, о чем мы с вами договорились.

Он сказал это по-русски и взглянул на Ерофеева, чтобы тот перевел. Семен исправно перевел. Анчелли кивнул в знак согласия. Чезаре улыбнулся.

– Значит, мы договорились, – сказал он. – Мы вас не торопим. Продумайте операцию таким образом, чтобы мы имели конкретного убийцу на скамье подсудимых. И желательно, чтобы это был опытный профессионал, чтобы не вызывать подозрения полицейских и судей. Для нас будет лучше, если это будет профессиональный убийца, на счету которого уже есть жертвы, – снова подчеркнул Кантелли.

– Найдем, – более уверенно сказал Ерофеев. – Всю Америку и Россию перевернем, но нужного человека для вас найдём.

Анчелли поднялся, чтобы попрощаться. Все поднялись следом. Мафиози и бандит обменялись рукопожатием, скрепившим их договор.

Когда гости ушли, Коготь взглянул на Ерофеева:

– Почему они просят помощи? Неужели сами не могут найти русского?

– Видимо, не могут, – резонно ответил Семен. – Или не хотят. Тебе какая разница, зачем они пришли. Главное, чтобы ты им человека дал. А если получится, то этот Анчелли нам всегда пригодится. Серьезный тип. Говорят даже, что он собирается потеснить кого-то из большой «пятерки».

– Это не наше дело, – лениво ответил Коготь. – Пусть ма-

каронники сами выясняют свои отношения. Нас интересует этот Анчелли. Зачем мы ему нужны? Постарайся осторожно разузнать обо всем. Но только осторожно, Сема, не зарывайся. А заодно подумай, как нам выполнить поручение мистера Анчелли.

– А мне и думать не нужно, – вдруг ответил Ерофеев. – Помнишь, я тебе рассказывал, как документы готовили для одного чучмека. Кажется, из Средней Азии. Его документами воспользовался Левша. Слышал про такого?

– Какой Левша? – спросил Коготь. – Он же давно умер? Однорукий? Ты про него говоришь?

– Вот именно. Живой он, Коготь, очень даже живой. И миллионером стал. Живет теперь на севере и думает, что про него все забыли. Вот какой кандидат нужен сеньору Анчелли.

Сидевший в это время в салоне своего «Кадиллака» Джулио спросил, обращаясь к своему помощнику:

– Ты думаешь, им можно доверять, Чезаре?

– Это серьезные люди, – ответил Кантелли, – и могут найти нам подходящую кандидатуру. А когда механизм будет запущен, с ними может произойти какая-нибудь неприятность. Этот русский бандит умудрился даже не выучить нормально английский язык. Я не думаю, что ФБР или наша полиция будут серьезно проверять мотивы убийства такого человека. У них ведь столько разных поводов для отстрела друг друга! Спишут на русскую мафию.

Мы ведь никогда не вмешиваемся в их дела. Как и они в наши.

– Мне всегда нравилось направление твоего мышления, Чезаре, – улыбнулся Анчелли. – Надеюсь, что ты не ошибешься и на этот раз.

БОСТОН. ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Я все время смотрю на Костю и пытаюсь представить себе, что он чувствует. Первый раз в жизни в Америке. После его Таджикистана, где он служил, и Зеленовки, куда его возила мать, такое место покажется особенно шикарным. Хотя я думаю, что все места, в общем, одинаковые. Дороги, дома, луга, поля, леса, люди. Везде все одинаковое. Другое дело, как ты относишься к конкретному пейзажу. Наверное, какой-нибудь монгол любит свою степь и находит ее поэтичной и волнующей, а житель горного Памира, наоборот, считает, что самое красивое – это его горы. Возможно, эскимосы полагают, что лучше их бескрайней тундры ничего нет. И самое интересное, что все правы. Человек привыкает к тому месту, где живет, и его маленькая родина кажется ему самым красивым и лучшим местом на планете. Вот почему родившиеся в третьем-четвертом поколении на этой земле дети американских поселенцев полагают, что Америка – лучшая страна на свете. И ничто не может быть лучше родины уродливых урбанистических идолов, механизированной еды, отношений, выстроенных на юридических нормах и полном невежестве. Хотя я могу ошибаться – среди американцев встречаются разные люди.

Костя не смотрит по сторонам и довольно равнодушно наблюдает, как мы мчимся в первоклассном автомобиле по превосходной дороге. Неужели ему не интересно? Или подобная маска равнодушия – всего лишь защитная реакция на резкую смену впечатлений? Я по-прежнему наблюдаю за ним и одновременно внимательно слежу за нашими преследователями. Ну почему они не могут оставить меня в покое хотя бы на сегодня? Почему им нужно было испортить такой день? Впрочем, они как раз поступают логично. У них есть конкретная цель – постоянно быть рядом со мной, не допускать посторонних контактов.

И для достижения своей цели они готовы пойти на все. Но мне кажется, что они немного переигрывают. Если бы им был нужен только профессионал, они бы давно решили эту проблему. В Америке этого добра хватает. Как, наверное, хватает его и в других странах, где может объявиться богатый заказчик, способный оплатить убийство своего обидчика. В этом нет никаких проблем. Нужны деньги, иногда даже не очень большие. И нужен профессионал. Не обязательно даже такого класса как я. Достаточно найти человека, умеющего стрелять. А так как Америка – стреляющая страна, здесь не должно быть сложностей. И тем не менее у них есть проблемы, которые они пытаются решить именно за мой счет. Это я уже понял.

– Далеко от аэропорта до вашего дома? – интересуется Костя.

– А ты думал, я живу рядом?

Мы с Сашей хохочем: сказывается неподготовленность Кости к американским условиям.

– Я живу совсем в другом штате, – объясняю я ему. – От аэропорта четыреста с лишним километров. Мы приедем в наш городок только вечером.

– В вашем штате нет аэропорта? – не понимает Костя.

– Международного нет. А вообще здесь в каждом городе есть аэропорты, – поясняю я, – у многих собственные самолеты, на которых они летают по своим делам. Мы с Сашей решили, что будет лучше, если мы приедем за тобой на машине. Заодно посмотришь наши места. Мы поедем по очень красивой дороге. Поэтому я и не прилетел за тобой на самолете.

Он изумленно смотрит на меня. Потом долго молчит и наконец спрашивает:

– У тебя есть персональный самолет? Ты что, Рокфеллер?

– Нет, конечно. У меня небольшой пятиместный самолет. Но на нем можно долететь из нашего городка до Бостона. Однако получить разрешение на приземление в нашем международном аэропорту почти невозможно. Пришлось бы приземляться где-нибудь в другом месте, а потом добираться сюда на машине.

– Ничего себе, – уважительно говорит он, – значит, у тебя есть собственный самолет. Рассказать ребятам в Питере, не поверят, решат, что я их разыгрываю. Такого не бывает.

– Почему не бывает? Здесь у всех свои самолеты. Ничего в этом странного нет. И стоит такой «кукурузник» не очень дорого. Зато его обслуживание и стоянка в аэропорту влетают в копеечку.

Я, конечно, не собираюсь ему говорить, что не полетел на самолете специально. И совсем не из-за Бостона. Просто мой самолет действительно стоит на небольшом аэродроме соседнего городка, и я сознательно решил им не пользоваться. Когда самолет целых три месяца находится вне пределов твоего контроля, с ним может случиться все что угодно. Меня ведь предупреждали, чтобы я был готов к любым неожиданностям. Мне совсем не хочется сажать в один лайнер обоих детей и устраивать нечто похожее на «русскую рулетку». Кроме того, мне еще нужно заехать в Огасту, причем сделать это так, чтобы за мной не следили.

С другой стороны, я уже устроил нечто похожее на «рулетку», если позволил втянуть себя в такую историю, и теперь за мной нагло едет «Линкольн континенталь», преследуя меня от самого аэропорта. Нет, так дальше нельзя. Нужно было с самого начала как-то объяснить этим типам, что ко мне не стоит относиться столь пренебрежительно. Но это мой старый трюк. С одной стороны, они знают, что я бывший профессиональный киллер, а с другой, подсознательно считают меня инвалидом.

Как не вовремя прилетел Костя. Я все последние годы мечтал о том, как мы с ним встретимся, как поедем на ры-

балку. И теперь мечтаю. Когда он неделю назад позвонил и сказал, что наконец собрался ко мне, со мной чуть не случилась истерика. Впервые в жизни я не знал, как мне реагировать. Ведь, с одной стороны, я так долго его ждал, так мечтал встретиться, много раз придумывал, как заманить его к себе, высылал ему приглашения. А с другой стороны, его приезд именно сейчас означает, что я стал несколько слабее. Мне придется отвлекаться, чтобы защитить не только Сашу, но и Костю. Насчет Саши я уже давно решил, но теперь пришлось несколько скорректировать свой план.

Никто не знает, что моя дальняя родственница, троюродная сестра, переехала два года назад в Сиэтл. Даже Саша не знает. Я, словно предчувствуя подобные неприятности, никому не рассказывал о своей родственнице. Хотя дважды с ней встречался уже здесь, в Америке. Один раз в Нью-Йорке, когда она только приехала. И второй раз в Сиэтле, куда я летал в прошлом году якобы по делам. Никто не знает про мою родственницу. Зато она знает про меня и, если я не ошибаюсь в людях, готова на меня молиться. Дважды при встречах я помогал ей деньгами. Один раз дал пять тысяч долларов, а другой раз еще три.

Для американцев подобные подарки немислимы. Да и для наших тоже. Я ведь не в долг давал, а просто как помощь. Она плакала в первый раз, когда брала деньги, клялась, что вернет. А во второй раз даже не верила, что я ей снова их даю. Уже не плакала, только сказала, что они с мужем будут

молиться за меня. Не знаю, как она молилась, но, наверное, не слишком усердно, если я попал в такую неприятную историю. С другой стороны, доверие, основанное на родственных чувствах, – довольно зыбкое понятие. Тем более – троюродная сестра. А вот если я перешлю ей десять тысяч долларов вместе с Сашей, она будет охранять мою девочку, как самый драгоценный бриллиант, находящийся в ее доме. Я ей, конечно, намекнул и про деньги, и про премию. Объяснил, что в случае необходимости отправлю Сашу к ней и девочка должна пожить в Сиэтле несколько месяцев. Нужно было слышать, с каким восторгом согласилась моя «кузина». Она неплохой человек, но в Америке все быстро привыкают к тому, что здесь главный бог – это Доллар. Купюра с изображением американского президента Франклина. Несчастный старик и подумать не мог, что станет всеобщим символом, самым главным божеством на земле в начале следующего миллениума. Его лысая голова с нестриженными длинными волосами, кривой нос, второй подбородок и узкие тонкие губы известны всему миру. Вот и моя троюродная сестра попала под власть бумажек с изображением этого человека. Я сразу понял, что ее муж – пустое место. Ни заработать денег, ни устроиться, ни прокормить семью он не может. Слишком «советским» оказался он в свои сорок пять лет.

Еще когда мы встретились в Нью-Йорке, он долго рассуждал про недостатки в России, обличал чиновников, порицал существующую налоговую систему, рассказывал, как ему не

давали работать. Я слушал и понимал, что вижу перед собой танцора, которому мешают его яйца. Слушал и понимал, что моя родственница, обреченная на существование с этим ничтожеством, почти так же обречена на нищету и жизнь на пособие. У них росла дочь, и я решил им помочь, подумав о Саше. В конце концов получалось, что их дочь и моя Саша – четвероюродные сестры. Не бог весть какая родня, но все-таки приятно, что в Америке есть родственница. К тому же девочка была на два года старше Саши и росла довольно смышленной для своих лет. Вот тогда я и решил помогать своей родственнице. Она неплохой человек, но если вместе с моей дочерью она получит и приличную сумму денег, то за Сашу можно не беспокоиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.